

XVI, 49543, 102

№ 50.
ЕЖЕНЕДЪЛЬНО.
1915 г.

1-я экз

ВОЙНА

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
АВГУСТЪ

(прежде, теперь и потомъ).

Группа окостенѣвшаго нѣмецкаго солдата-шпіона, найденный французами на чердакѣ одной изъ фермъ.

Успѣшная подписка
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 „ — „
 . 1 мѣс. — „ 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятныя рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифъ объявленій:
 За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади „ . 60 „
 Постоянныя заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 50—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Август. =

КРЕСТЬ.

Разсказъ Н. А. Карпова.

Матвѣй Ковальчукъ былъ самымъ популярнымъ чело-
 вѣкомъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Бялобжеги. Онъ
 много лѣтъ служилъ фельдфебелемъ въ полку, кварти-
 ровавшемъ въ Бялобжегахъ, привыкъ къ мѣстечку и
 окончательно тамъ обосновался: выстроилъ на окраинѣ
 на свои сбереженія маленькій деревянный домикъ и по-
 селился тамъ вмѣстѣ съ своей домоправительницей Ми-
 халиной, такой-же одинокой, какъ онъ самъ. Во время
 русско-японской войны онъ со своимъ полкомъ ушелъ
 на Дальній Востокъ и вернулся въ Бялобжеги съ дере-
 вяшкой вмѣсто лѣвой ноги, и съ бѣленькимъ крестикомъ
 на полосатой лентѣ на груди.

Картини міровой войны 1914—1915 г. Французы въ окопѣ.

Потеря ноги его ничуть не обезкуражила, его каріе
 глаза смотрѣли все также бодро и спокойно изъ-подъ
 кустистыхъ бровей, только прибавилось немного сѣ-
 дыхъ волосъ въ его щетинистыхъ усахъ и морщинъ на
 его скуластомъ, смугломъ лицѣ. Онъ скоро привыкъ къ
 своему костюму и постепенно сталъ привыкать къ но-
 вому существованію, которое послѣ размѣренного строя
 казарменной жизни казалось ему нѣсколько скучнымъ.

Сбереженія свои онъ истратилъ на постройку дома и
 на обзаведеніе; маленькой пенсине хватало несмотря на
 его скромныя потребности, но онъ скоро нашелъ новый
 источникъ дохода, который и создалъ ему популяр-
 ность: сталъ писать жителямъ мѣстечка прошенія и дру-
 гія дѣловыя бумаги.

Знающимъ русскую грамоту въ этомъ польско-ев-
 рейскомъ мѣстечкѣ было мало, къ чиновникамъ обжа-
 тели обращались весьма неохотно, и, кромѣ того, всѣ
 какъ-то сразу увѣровали въ юридическія способности
 Ковальчука.

— Ужъ ежели панъ Ковальчукъ напишетъ, — то
 напишетъ! Всегда выходитъ такъ, какъ онъ говоритъ!
 Знаетъ, какъ къ начальству подступиться и какія ли-
 тера поставить, ого! — говорили въ мѣстечкѣ. — Что
 и толковать, разсудительный челоуѣкъ!

Это было, до нѣкоторой степени, справедливо; дѣло
 въ томъ, что наивныя обыватели мѣстечка часто писали
 мѣстнымъ властямъ самыя нелѣпыя и ни на чемъ не
 основанныя прошенія; Ковальчукъ-же отъ писанія по-
 добныхъ прошеній категорически отказывался.

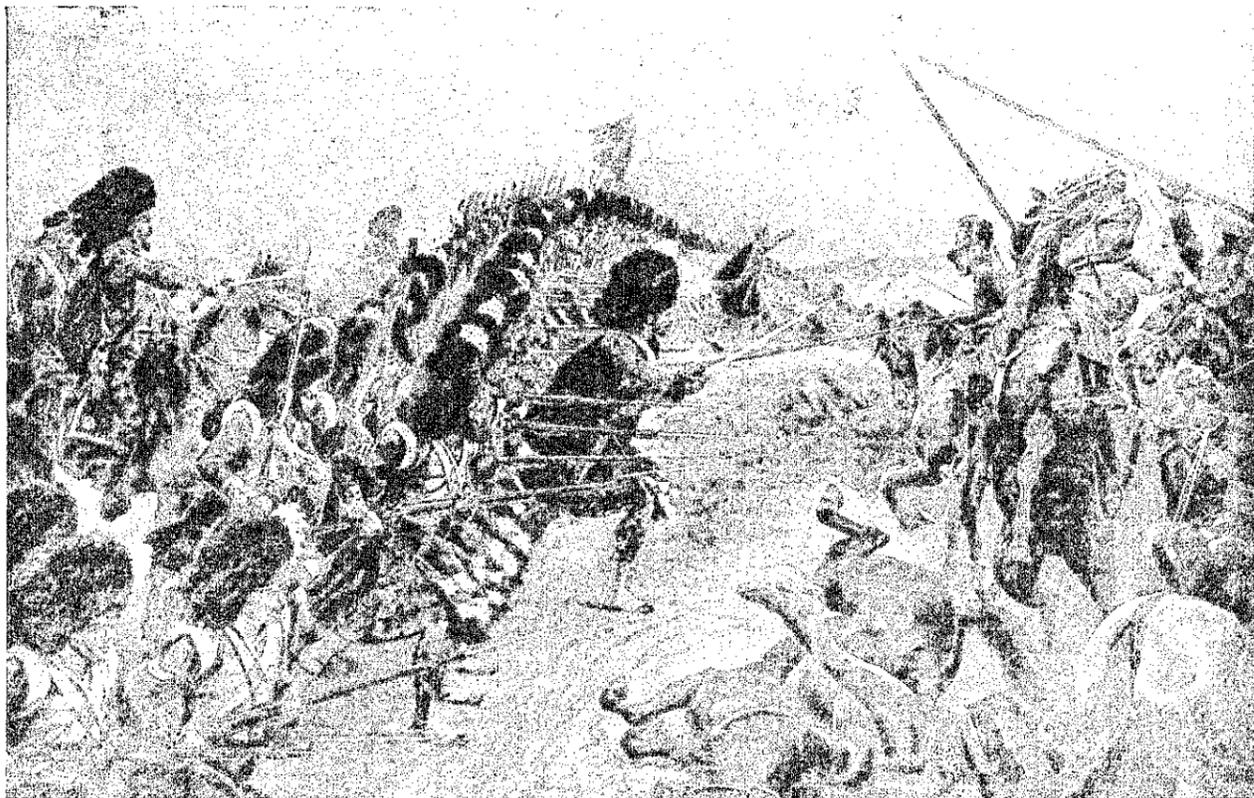
— Не дури своей головы, челоуѣче! — говоритъ
 онъ въ такихъ случаяхъ своему кліенту, — никакого
 толку не будетъ, пиши — не пиши!

— Да я-жъ, пане Ковальчукъ... Вы только напиши-
 те! Я заплачу... Два злота заплачу!.. — соблазнялъ его
 кліентъ.

— Дурной ты! Не буду писать — и баста! — упрямо
 заявилъ старый фельдфебель, — ничего твое дѣло не
 стоитъ! Только понапрасну будешь безпокоить началь-
 ство, а у него и безъ тебя много хлопотъ! Ничего не
 выйдетъ — вѣрно тебѣ говорю!

А обезкураженный его словами кліентъ уходилъ,
 окончательно теряя надежду получить то, что онъ же-
 лалъ, и отказываясь отъ прошенія. Гонораръ Коваль-
 чукъ бралъ, смотря по достаткамъ кліента; разумѣется,
 къ нему обращалась только бѣдность и давала ему за его
 труды гроши, но и это являлось для него большимъ под-
 спорьемъ. Постепенно усвоивъ польскій языкъ и еврей-
 скій жаргонъ, онъ, кромѣ писанія прошеній, сталъ да-
 вать обывателямъ разные дѣловыя совѣты, и это окон-
 чательно упрочило его репутацію великолѣпнаго юриста
 и разсудительнаго челоуѣка.

ВОЙНА ВЪ КАРТИНАХЪ, ЭПИЗОДЪ ИЗЪ «СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ».

Бой подъ Балаклавой между англичанами и русскими въ 1854 г. Атака шотландской гвардіи.

По буднямъ въ его маленькомъ, выкрашенномъ въ свѣтло-желтый цвѣтъ, домикѣ цѣлый день толкались по-сѣтители: поляки-крестьяне ближнихъ деревень въ своихъ расшитыхъ шнурами, бѣлыхъ чамаркахъ и синихъ картузахъ, евреи въ длиннополыхъ лапсердакахъ, рабочіе въ засаленныхъ блузахъ; одни изъ нихъ являлись за совѣтомъ, другіе — съ просьбой написать прошеніе или письмо, третьи — просто поболтать и послушать рассказы бывалаго человѣка.

Зато въ праздничные дни Ковальчукъ совершенно отказывался отъ всякихъ дѣлъ и безцеремонно выпроваживалъ за дверь своихъ кліентовъ.

Въ праздники онъ вставалъ еще раньше, чѣмъ обыкновенно, одѣвалъ старый, безъ погонь, но съ золочеными шевронами на рукавѣ и съ медалями на груди, мундиръ, потертую солдатскую фуражку безъ кокарды и отправлялся въ церковь; тамъ онъ исполнялъ одновременно обязанности ктигора и псаломщика. Прихожане, — солдаты мѣстной команды и чиновники, — привѣтливо первые кланялись старику и всячески старались выказать ему свое расположеніе. Вечеромъ онъ иногда уходилъ въ гости къ своему другу, старшему стражнику Оскерко, возвращался оттуда поздно, порядкомъ подвыпивъ, зажигалъ лампу и долго расхаживалъ по командѣ, стуча костью и напѣвая хриплымъ басомъ:

*«Греми, слава, трубой:
Мы дрались за Лабой,
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Пронеслась слава объ насъ!»*

Но это случалось не часто, и только послѣ объявленія войны Германіей, Ковальчукъ сталъ возвращаться домой пьянымъ каждую ночь. Теперь онъ уже не пѣлъ своей любимой пѣсни, но будилъ старую Михаину и со слезами въ голосѣ говорилъ ей:

— Боже мой, Боже! Наши-то, а? На нѣмцевъ идути! А я-то? Господи! За что ты меня наказалъ? Эхъ, если бы не нога!

— Да, ужъ безъ ноги куда пойдете, пане Матвѣй! — соглашалась сонная Михаина, не чаявшая души въ своемъ хозяинѣ и искренно считавшая его самымъ умнымъ человѣкомъ не только въ мѣстечкѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ.

— А вотъ, ей-Богу, пойду! Чортъ меня забери! Скажу солдатамъ: «Братцы, возьмите съ собой стараго фельдфебеля! Патроны буду подносить! Сторожить буду! Собакой вашей буду!» — бушевалъ Ковальчукъ. Въ его одурманенномъ водкой мозгу рождалась мысль, что его, стараго служаку, возьмутъ, что и онъ на что-нибудь понадобится. Окрыленный несбыточными мечтами, возбужденный и счастливый до разсвѣта блуждалъ онъ по комнатѣ, стучалъ костью, хриплымъ голосомъ командовалъ воображаемой ротой и выкрикивалъ угрозы врагу.

Проспавшись, бродилъ цѣлый день, мрачный, какъ туча и рѣшительно отказывался вступать въ разговоры съ посѣтителями.

Уже давно ходили слухи о приближеніи непріятельскихъ войскъ и рота, стоявшая въ мѣстечкѣ, получила приказъ отойти къ своему полку. Старый Ковальчукъ

стоялъ у своего домика и тоскливо смотрѣлъ на проходящія мимо стройные, сѣрые ряды солдатъ. Онъ испытывалъ странное чувство нѣжности и зависти къ этимъ здоровымъ, молодымъ людямъ, и къ этому чувству примѣшивалось острая жалость къ самому себѣ.

Когда послѣдніе ряды, поблескивая штыками, проходили мимо, онъ пыгался что-то сказать, но пробормоталъ только: «Братцы»... — и со слезами на глазахъ отвернулся.

— Уходятъ наши солдаты... — сказала, подходя къ нему, лавочникъ Гольдинъ, сѣдобородый еврей въ длинномъ лапсердакѣ и круглой шапочкѣ, — что съ нами будетъ, пане Ковальчукъ? Вѣрно, скоро придутъ швабы.

— Пусть приходятъ! — съ мрачной угрозой бросилъ ему Ковальчукъ и повернулся къ нему спиной.

А они пришли. Раннимъ утромъ, когда еще не были открыты на базарѣ лавки, жители мѣстечка услышали звуки браваурнаго марша и на шоссе показался небольшой отрядъ нѣмецкихъ кавалеристовъ въ синихъ мундирахъ и блестящихъ каскахъ. Впереди отряда, поблескивая мѣдными трубами, двигался хоръ конныхъ трубачей, направляясь къ стоявшему на базарной площади костелу.

Цѣлый день старый Ковальчукъ пробылъ въ тревожно-выжидательномъ настроеніи; ему казалось, что онъ, какъ старый служака, долженъ чѣмъ-нибудь проявить свою ненависть къ неприятелю, что это — его долгъ, но не находилъ способа для выполненія этого долга.

На другой день утромъ Михалина, успѣвшая побывать у сосѣдей и узнать всѣ новости, рассказала ему, что нѣмцы приказали лавочникамъ открыть магазины и забрали у нихъ безъ денегъ все, что имъ вздумалось; что они разстрѣляли двухъ какихъ-то русскихъ чиновниковъ или «комиссаровъ», какъ она ихъ называла.

— Ой, пане Матвѣй, такой школы понадѣлали эти

Послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, въ 1814 г. Воинъ и художникъ. Съ кар. проф. Виллевалде.

швабы — бѣда! — говорила она, покачивая своей сѣдой головой, — еще многихъ пановъ комиссаржей посадили подѣ замокъ и хотятъ разстрѣлять пана Ягодинскаго, что на почтѣ телеграфистомъ служить...

Говорятъ, будто за то, что онъ какія-то телеграммы посылалъ, которыя не нужно было посылать. О, Езусъ-Марія, что съ нами будетъ!

Ковальчукъ слушалъ молча. У него явилось желаніе увидѣть прусскихъ солдатъ, онъ рѣшительно поднялся со стула и сказалъ:

— Пойду я, посмотрю на этихъ швабовъ. Каковы они.

— Ой, пане Матвѣй, храни васъ Богъ! Забьютъ они васъ, проклятые! — заголосила было Михалина, но старикъ сердито приказалъ ей замолчать и подать ему его мундиръ; видомъ мевалей и георгиевскаго креста онъ хотѣлъ бросить своеобразный вызовъ врагу. Одѣлся, расправилъ ленты медалей и бѣленькаго крестика и вышелъ. Внушительно постукивая костылемъ, онъ медленно брелъ мимо еврейскихъ лавокъ, въ полуоткрытыя двери которыхъ выглядывали блѣдныя отъ тревоги лица ихъ хозяевъ.

— Ой, пане Ковальчукъ, не ходите! Забьютъ васъ швабы! — останавливали его лавочники, а Гольдинъ да же загородилъ ему дорогу, но Ковальчукъ сурово и спокойно отстранилъ его, продолжая медленно подвигаться впередъ.

Выйдя къ костелу онъ остановился и внимательно оглядѣлъ площадь, на которой стояли въ пѣшемъ строю прусскіе кавалеристы. Передъ фронтомъ, опираясь на длинный плащъ, стоялъ небольшого роста плотный офицеръ съ маленькими, свѣтлыми усиками, и разговаривалъ съ высокимъ, грузнымъ человѣкомъ въ очкахъ и сѣрой крылаткѣ, въ которомъ Ковальчукъ узналъ кантору нѣмецкой кирхи Бидермана. Къ желѣзной рѣшеткѣ костела былъ привязанъ молодой, кудрявый телеграфистъ въ разорванной форменной тужуркѣ.

Лицо его, покрытое царапинами и кровоподтеками, было мертвенно-блѣдно, но спокойно. Ковальчукъ смотрѣлъ на прусскихъ солдатъ горящимъ взглядомъ, взглядомъ охотника, неожиданно увидѣвшаго рѣдкую дичь, и не имѣющаго возможности выстрѣлить. О, если-бы онъ былъ здоровъ, и съ нимъ была его рота! Его привычный, наметавшійся глазъ сразу опредѣлилъ, что эти солдаты слишкомъ тяжеловѣсны и не обладаютъ ни подвижностью, ни ловкостью, которыми отличаются русскіе. Онъ перевелъ глаза на офицера, и взгляды ихъ встрѣтились. Пруссакъ что-то сказалъ стоявшему передъ нимъ въ почтительной позѣ кантору и тотъ крикнулъ по-русски Ковальчуку:

Эй, панъ Ковальчукъ! Господинъ офицеръ желаетъ съ вами говорить! Идите сюда!

Старикъ медленно, стуча костылемъ о камни, пошелъ къ офицеру и остановился передъ нимъ, не снимая фуражки и смѣло смотря въ его голубые, выпуклые глаза.

Почувствовавъ вызовъ, офицеръ смѣрилъ его злобнымъ взглядомъ съ головы до ногъ, и взглядъ этотъ остановился на бѣленькомъ крестикѣ на груди стараго солдата.

Пруссакъ протянулъ руку и ухватился за крестъ, намѣреваясь его сорвать, но Ковальчукъ съ неожиданной силой толкнулъ его кулакомъ въ грудь и гаркнулъ:

— Не смѣть... Своими погаными лапами... Щенокъ! Офицеръ пошатнулся, схватился за рукоятъ палаши и рѣзко выкрикнулъ какое-то приказаніе. Изъ ря-

довъ вышли строевымъ шагомъ два солдата, схватили Ковальчука и потащили его къ оградѣ костела, но новый окрикъ офицера остановилъ ихъ. Пруссакъ съ злобой усмѣшкой что-то сталъ говорить кантору, а тотъ сочувственно заулыбался и закивалъ головой.

— Пане Ковальчукъ, — обратился канторъ къ старому солдату, — господинъ офицеръ приказывалъ васъ разстрѣлять за вашу дерзость и за... преступное обращеніе. Но онъ васъ жалѣеть... Вы должны стрѣлять въ того человѣка, который привязанъ тамъ, къ оградѣ... Его все равно разстрѣляютъ... Вы тогда будете свободны... Что?

Ковальчукъ расширенными отъ негодованія и ненависти глазами смотрѣлъ на кантора и молчалъ. Онъ какъ-то сразу сгорбился, фуражка его съехала на лобъ и своимъ видомъ онъ странно напоминалъ какую-то сердито нахохлившуюся птицу.

— Вы желаете исполнить просьбу господина офицера? — спрашивалъ канторъ, а пруссакъ со злобой усмѣшкой протягивалъ ему свой браунингъ.

— Берите револьверъ... Изъ ружья вамъ трудно стрѣлять... легче изъ револьвера... Офицеръ очень добрый... Васъ отпустить... — убѣждалъ старика канторъ.

Ковальчукъ взглянулъ на блѣдное, окровавленное лицо телеграфиста и тряхнулъ головой, какъ человѣкъ, принявшій опредѣленное рѣшеніе.

— Ладно, давай револьверъ... — пробормоталъ онъ, протягивая руку къ оружію, — тоже не хуже тебя съумѣю выстрѣлить, швабская образина!

Офицеръ, казалось, былъ удивленъ, что его удалось такъ быстро убѣдить, но отдалъ ему оружіе.

— Очень хорошо! — одобрилъ старика канторъ.

— Господинъ офицеръ будетъ доволенъ и проститъ ваше дерзкое поведеніе, да!

Ковальчукъ взглянулъ на телеграфиста съ ужасомъ наблюдавшаго за нимъ, утвердился крѣпче на костылѣ, поднявъ револьверъ и, быстро повернувшись, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ офицера. Пруссакъ схватился правой рукой за лѣвый бокъ, съ хриплымъ крикомъ свалился на камни и замеръ. Канторъ, не помня себя отъ ужаса, присѣлъ и закрылъ голову ладонями; безъ своего командира прусскіе солдаты, словно автоматы, лишившіеся заводной пружины, окаменѣли на своихъ мѣстахъ и тупо смотрѣли на стоявшаго передъ ними сгорбленнаго старика въ мундирѣ съ бѣлымъ крестикомъ на груди, не рѣшаясь сдѣлать ни одного движенія. Наконецъ,

Занятіе Парижа русскими войсками (1814 г.). Сладкій виноградъ. Картина профессора Виллевальде.

нѣсколько винтовокъ поднялись и затрещали рѣдкіе, недружные выстрѣлы...

Н. А. Карповъ.

Происхожденіе легкой кавалеріи.

Греки и римляне имѣли немного кавалеріи въ своихъ арміяхъ и мало ею пользовались; всѣ великія завоеванія послѣднихъ, были произведены преимущественно, пѣхотой.

Но послѣ паденія Западной Римской имперіи, когда на историческую сцену явились новые варварскіе народы, въ ихъ арміяхъ начинается созидаться особый видъ тяжелой кавалеріи.

Продолжая совершенствоваться, эта конница вылилась въ окончательной формѣ въ видъ рыцарской

кавалеріи, гдѣ всадники были прикрыты тяжелыми панцырями и шлемами и сидѣли на громадныхъ коняхъ, тоже накрытыхъ предохранительнымъ вооруженіемъ.

Главную силу своихъ боевыхъ дѣйствій эта кавалерія видѣла въ стремительномъ натискѣ на врага плотнымъ фронтомъ, дабы опрокинуть его напоромъ своихъ коней, такъ называемымъ шкомъ.

Теперешняя регулярная кавалерія есть прямой потомокъ этой рыцарской конницы, конечно, значи-

тельно видоизмѣненный и уклонившійся отъ своего первообраза, сообразно современному состоянію военного искусства.

Въ то время, какъ на Западѣ развивался и совершенствовался вышеуказанный типъ конницы, на Востокѣ, преимущественно, въ Азіи, господствовалъ совершенно другой типъ ея — легкая, естественная конница.

Всадники, не имѣя тяжелого предохранительнаго вооруженія, сидѣли на быстрыхъ и выносливыхъ лошадяхъ и были вооружены металльнымъ оружіемъ — луками и стрѣлами, а впоследствии ружьями и пистолетами.

При столкновениях рыцарской конницы с легкой восточной побѣда, большею частью, оставалась на сторонѣ этой послѣдней, употреблявшей противъ рыцарей особый способъ дѣйствій, возникшій въ Средней Азійи во времена Чингисъ-Хана.

Этотъ гениальный варваръ охоту называлъ школою войны и проводилъ эту идею въ жизнь съ неуклонною энергіей.

Придавая охотамъ огромное воспитательное значеніе въ дѣлѣ подготовки войскъ къ бою, Чингисъ-Ханъ постоянно практиковалъ свои войска въ этомъ отношеніи, такъ что охоты въ его арміи имѣли значеніе современныхъ маневровъ.

Выходя на охоту, монголы окружали какого-либо крупнаго звѣря, напримѣръ, медвѣдя, и начинали пускать въ него стрѣлы съ криками «лау, лау».

Если звѣрь бросается противъ части всадниковъ, они усакивали отъ него, а другіе всадники, продолжая осыпая его стрѣлами.

Когда звѣрь былъ достаточно замученъ и израненъ, монголы разомъ бросались на него съ копьями, при чемъ честь перваго удара представлялась начальнику.

Эта охоты послужили зародышемъ особаго способа военныхъ дѣйствій, доставившаго Чингисъ-Хану и его преемникамъ столько военныхъ успѣховъ и распространившагося по всему Востоку.

Не будучи въ состояніи противостоять плотному фронту тяжелой рыцарской кавалеріи, восточная конница разсѣивалась поодиночкѣ, осыпая атакующихъ рыцарей массою стрѣлъ, и, пользуясь быстротою своихъ коней, она легко уклонялась отъ ихъ ударовъ.

Тяжелые рыцари на громадныхъ коняхъ скоро утомлялись въ погонѣ за этимъ неудовимымъ врагомъ, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и сильно терпѣли отъ стрѣлъ.

Когда рыцари были измучены, и многія лошади выведены изъ строя вслѣдствіе полученныхъ ранъ, му-

сульмане вдругъ устремлялись на врага и кончали съ нимъ рукопашной схваткой. Кромѣ того, восточные народы прибѣгали на войнѣ ко всевозможнаго рода хитростямъ; они часто обращались въ притворное бѣгство и устраивали засады.

Изъ этого мы видимъ, что монгольская конница въ основу своихъ боевыхъ успѣховъ клала доведенную до высшей степени подвижность каждаго всадника, подготовку атаки метательнымъ оружіемъ и различнаго рода маневры, съ цѣлью замучить и извести своего противника.

СЛУЖБА — ДРУЖБА.

(Эпизодъ изъ заграничнаго похода русскихъ войскъ въ 1814 году). Съ карт. проф. Виллевалде.

Совершенно очевидно, что наше казачество принадлежитъ ко втораго рода конницѣ, такъ какъ главныя основанія отбыванія имъ военной службы передъ государствомъ таковы же, какъ и въ давно прошедшія времена.

Что касается способа боевыхъ дѣйствій казаковъ, то они были совершенно тождественны съ только что описанными дѣйствіями монгольской конницы, ибо казачество складывалось подъ сильнымъ влияніемъ монголо-татаръ.

ГЕРМАНСКІЙ ПУШЕЧНЫЙ КОРОЛЬ.

Въ послѣднее время участились совѣщанія императора Вильгельма съ владѣльцемъ чудовищныхъ эссенскихъ заводовъ Круппомъ фонъ-Боленомъ. Полагаютъ, что кайзеръ и «пушечный король» совѣщаются по поводу такъ называемаго «металлическаго кризиса», принимающаго все болѣе и болѣе явственныя очертанія.

Сейчасъ Круппъ фонъ-Бленъ является первымъ послѣ кайзера лицомъ въ Германіи. Милліоны нѣмецкихъ михелей надѣются, что эссенскіе заводы будутъ изготовлять усовершенствованнаго челоукоистребленія вплоть до побѣдоноснаго для Германіи окончанія войны. Ближайшее будущее покажетъ, оправдается ли Круппъ фонъ-Боленъ возлагаемая на него надежда.

Не лишена интереса біографія этого челоука, случайно ставшаго повелителемъ цѣлой отрасли промышленности и распоряжающагося десятками тысячъ рабочихъ. Круппъ фонъ-Боленъ, родился въ семьѣ скромнаго чиновника Гальбаха. Въ ранней молодости онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Незнатный молодой чиновникъ,

жившій исключительно на свое скромное жалованіе, не могъ рассчитывать на большую карьеру. Однако, вопреки ожиданіямъ, ему улыбнулось счастье. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ секретаремъ одного изъ второстепенныхъ посольствъ и былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Почему то самъ императоръ Вильгельмъ принялъ участіе въ судьбѣ молодого дипломата. Въ 1906 году Вильгельмъ принялъ на себя роль свата и попросилъ у владѣльца эссенскихъ заводовъ Альфреда Круппа руки его единственной дочери

Берты для Гальбаха. Круппъ не противился этому браку, тѣмъ болѣе, что его дочь питала нѣжныя чувства къ Гальбаху:

Вскорѣ Альфредъ Круппъ отправился на о. Капри, опасаясь скандальныхъ разоблаченій по поводу своихъ гомосексуальныхъ похожденій. Гальбахъ, ставъ единственнымъ владѣльцемъ эссенскихъ заводовъ, принялъ фамилію «Круппъ фонъ-Болентъ». Въ настоящее время его состояніе оцѣнивается въ 600 милліоновъ марокъ. Онъ — одинъ изъ видѣйшихъ членовъ военной партіи, сознательно подготовлявшей почву для вооруженнаго конфликта съ Россіей и Франціей.

ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИКЪ.

Воздушный путь свободенъ мой;
Воздушный конь меня не сброситъ,
Пока мотора слитенъ вой
И винтъ упорно воздухъ коситъ.
Надъ пропастью полувверсты
Слѣжу неутомимымъ взоромъ
За неогляднымъ, съ высоты,
Географическимъ узоромъ.
Стальные жилы дальнихъ рѣкъ
Блестятъ въ отрѣзахъ желтыхъ па-
шенъ.

Я мимолетный свой набѣгъ
Стремлю къ массивамъ вражьихъ
башенъ.

На ясномъ заревѣ небесъ
Поетъ шрапнель, взрываясь бурно..
Какъ невеликъ отсюда лѣсъ!
Какъ цитадель миниатюрна!
Недвижны кажутся отсель
Полковъ щетинистые ромбы,
И въ нихъ — войны живую цѣль,
Я, мѣтая, сбрасываю бомбы.
Германскихъ пулъ унылый свистъ

Гунны—духовные предки современныхъ германцевъ.

Меня нащупываетъ жадно.
Но смерклось; рѣзкій воздухъ
мгмстъ;

Я живъ и ухожу обратно.
Лечу за флаголъ боевымъ

И на лугу почномъ, на русскомъ,
Домой, къ огнямъ сторожевымъ
Сойду планирующимъ спускомъ.

А. С. Гринъ.

КАГУЛЬСКАЯ ПОБѢДА.

21-го іюля исполнилось 145 лѣтъ со дня знаменитой Кагульской побѣды. По этому поводу любопытно вспомнить подробности этого событія.

Первая турецкая война въ царствованіе Екатерины II, возбужденная въ концѣ 1768 года застигла Россію въ весьма трудное время.

Во многомъ были ощутительны

слѣды, незадолго передъ тѣмъ оконченной, тяжелой и безплодной семилѣтней войны.

Но Екатерина рѣшилась вести новую войну самымъ энергичнымъ образомъ и, какъ бы предчувствуя будущую славу Россіи въ этой борьбѣ, писала въ декабрѣ 1786 года Вольтеру:

«Если въ этой войнѣ успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ, то я останусь обязанною моимъ завистникамъ, что они доставили мнѣ ту славу, о которой я и не помышляла».

Первый годъ войны (1769-й) не былъ ознаменованъ чѣмъ либо выдающимся; но въ слѣдующемъ 1770 году русское оружіе увѣнчалось двумя славными побѣдами; на морѣ при Чесмѣ (24 и 26 іюня) и на сушѣ при Кагулѣ (въ Южной Бессарабіи).

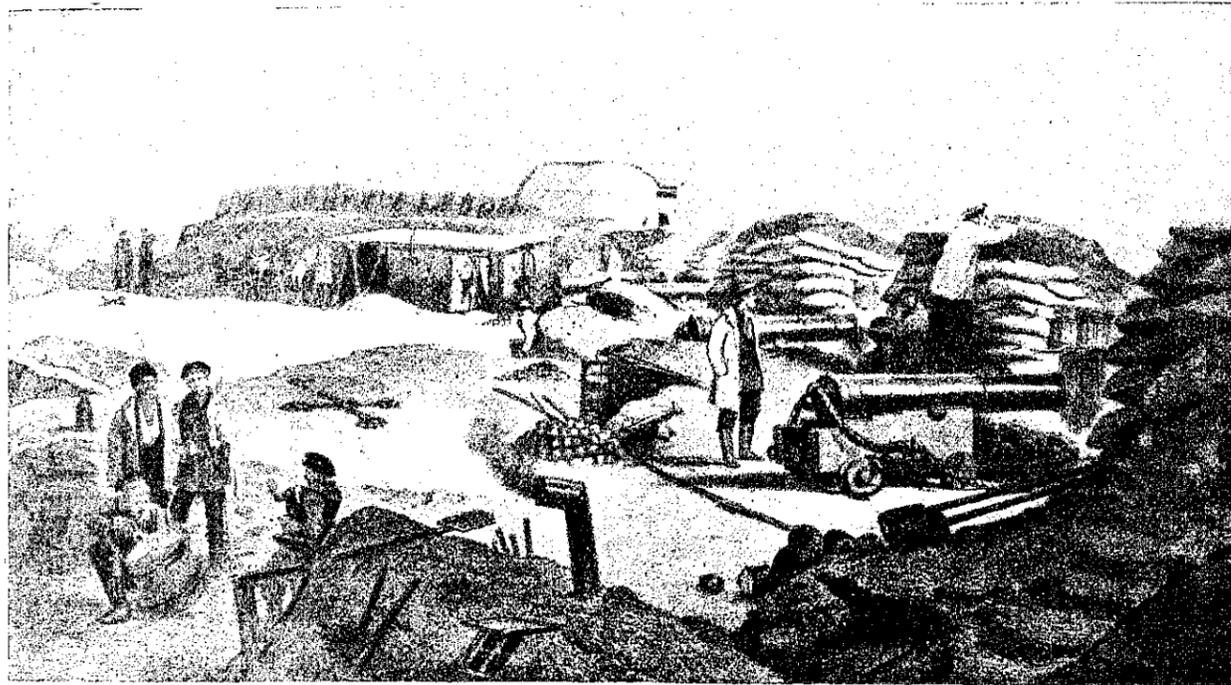
Въ началѣ 1770 г. русскій главнокомандующій графъ П. А. Румянцевъ, несмотря на немногочисленность своей арміи, началъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія.

Полагаясь на храбрость солдатъ,

Американскіе развѣдчики во время войны Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикой.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Внутренній видъ одного изъ бастіонъ Малахова кургана.

онъ даже отмѣнили употребленіе рогатокъ, какъ средства для защиты отъ турецко-татарской конницы и старался наносить врагу удары неожиданными нападѣніями.

Первая рѣшительная побѣда одержана была Румянцевымъ 7-го іюля 1770 г. при рѣчкѣ Ларгѣ (въ Южной Бессарабіи), гдѣ 80 тысячъ турокъ и татаръ укрѣпились въ сильной позиціи.

Турки первые произвели нападеніе на русскія войска 5-го іюня, но были отбиты съ большимъ урономъ; тогда Румянцевъ рѣшилъ обойти турецкую армію и для отвлеченія вниманія непріятеля велѣлъ ночью зажечь въ лагерѣ бивачные огни.

Застигнутые врасплохъ турки пытались было оказать энергическое сопротивленіе, но скоро турецкія укрѣпленія были взяты и армія бѣжала въ полномъ безпорядкѣ, оставивъ побѣдителямъ весь лагерь съ 33 пушками, множество знаменъ, снарядовъ и припасовъ; много турокъ и татаръ попало въ плѣнъ.

Несмотря на это пораженіе, турецкій великій визирь хотѣлъ еще разъ попытать счастья и, стянувъ сколько можно болѣе подкрѣпленій,

сталъ при озерѣ и рѣчкѣ Кагуль такъ же въ сильной позиціи.

Румянцевъ, имѣя всего около 17 тысячъ войска, не остановился въ намѣреніи напасть на 150-ти-тысячную турецкую армію.

Послѣ упорнаго боя русскіе начали было одолѣвать, какъ вдругъ изъ лощины выскочило до 10 тысячъ янычаръ съ ятаганами и кинжалами; съ необыкновенной быстротой они опрокинули три русскихъ полка, но порядокъ тотчасъ восстановленъ былъ самимъ Румянцевымъ, явившимся среди бѣжавшихъ солдатъ.

Могучее слово любимаго вождя: «Стой, ребята!» снова воодушевило русскихъ, и они въ свою очередь опрокинули янычаръ и ворвались въ главныя турецкія укрѣпленія.

Турки гибли подъ штыками русскихъ солдатъ, и скоро вся турецкая армія бросилась въ бѣгство къ Дунаю.

Потери русскихъ въ этомъ сраженіи (убитыми и ранеными) были не болѣе 1.000 человекъ; турки же потеряли по приблизительному расчету отъ 30 до 40 тысячъ убитыми, ранеными и утонувшими.

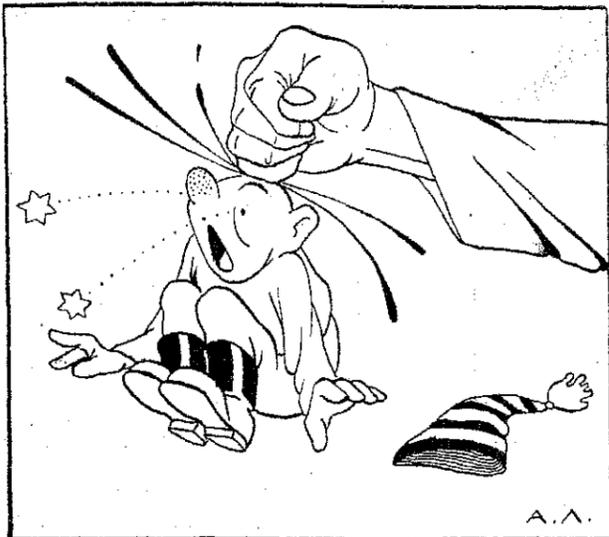
Трофеями кагульской побѣды были: весь непріятельскій лагерь съ богатою добычею и припасами, 140 пушекъ, 60 знаменъ; въ плѣнъ взято было до 2.000 человекъ.

Екатерина II наградила Румянцева за побѣду при Ларгѣ орденомъ св. Георгія 1 степени, а за Кагуль — чиномъ генераль-фельдмаршала; нижніе чины получили за Кагульскую битву особую серебрянную медаль для ношенія на груди на голубой лентѣ.

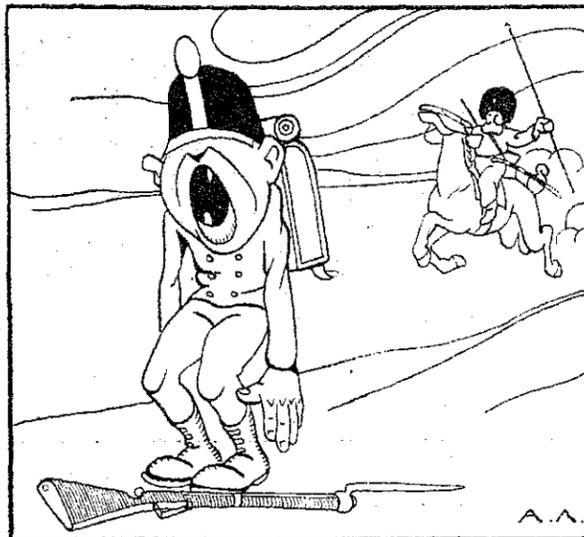
Въ воспоминаніе Кагульской битвы Екатерина II соорудила въ Царскомъ Селѣ, передъ дворцомъ, обелискъ изъ синяго мрамора на четырехугольномъ пьедесталѣ съ надписью: «Въ память побѣды при рѣчкѣ Кагуль, въ Молдавіи. — Іюля 21 дня 1770 года подъ предводительствомъ генерала графа Румянцева российское войско, числомъ семнадцать тысячъ, обратило въ бѣгство до рѣки Дуная турецкаго визиря Голиубея съ арміею полуторастотысячною».

На мѣстѣ самой битвы, въ нынѣшнемъ Измайловскомъ уѣздѣ, близъ селенія Волканешты въ 1849 году, открытъ памятникъ, который представляетъ собой колонну дори-

МИРОВАЯ ВОЙНА ВЪ НАРИКАТУРАХЪ.

Когда засядетъ, какъ въ траншеѣ,
Въ Россіи нѣмецъ, какъ — никакъ,
А нужно дать ему по шеѣ,
То это будетъ, — «твердый знак!».

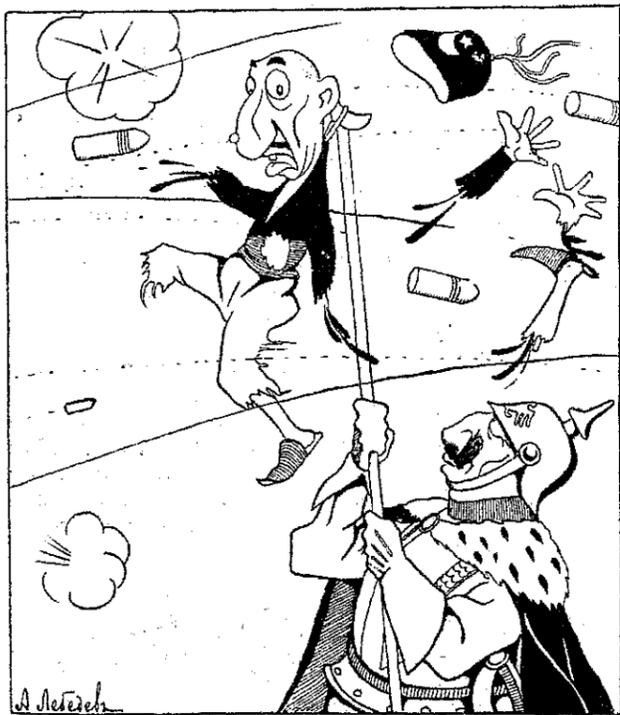

—«Ы... и...»—такъ нечленораздѣльно
Рѣчь лется съ пьяныхъ языка...
И въ страхъ швабъ, безъ браги хмельной,
Мычнтъ такъ, встрѣтивъ казака...

ческаго ордена, съ квадратною капителю, на которой поставленъ чугунный вызолоченный крестъ надъ луною; высота колонны съ преде-

сталомъ 12½ сажень. На одной изъ надписей сказано, что «памятникъ сей незабвенной битвы, въ которой пали навсегда свирѣлые янычары,

нѣсколько столѣтій страшившіе Европу, Азію и Африку, поставленъ по повелѣнію Николая, Императора и Самодержца всея Россіи».

— КАЙЗЕРЪ. Больше бодрости, Абдулка! Еще осталось мѣсто, куда попадать снарядамъ!

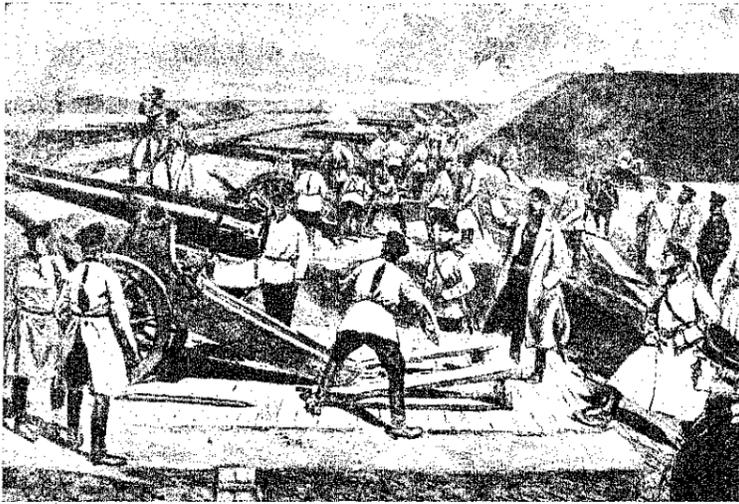
БЛИЗНЕЦЫ.

(Берлинскій діалогъ).

Нѣмецъ. — Яслышалъ, что у васъ родились близнецы!
Нѣмка. — Да, Ужасная неприятность!
Нѣмецъ. — Помилуйте! Теперь, когда кайзеру такъ нужны солдаты и, особенно, офицеры. Вы должны были бы радоваться...
Нѣмка. — Не въ томъ дѣло! Меня очень огорчаетъ, что младшему — всего на два... часа — приходится служить подъ командой старшаго...
Нѣмецъ. — Я не совсѣмъ васъ понимаю.
Нѣмка. — Дѣло было такъ. Когда я послала за акушеркой — она явилась въ сопровожденіи спеціальнаго военнаго агента, который обязанъ присутствовать при всѣхъ германскихъ родахъ, дабы нѣмки не могли какъ-нибудь скрыть отъ правительства рожденіе мальчика. Агентъ наблюдалъ, пока акушерка дѣлала свое дѣло. Появился на свѣтъ первый ребенокъ — агентъ моментально отправилъ его въ спеціальный военный питомникъ. Пока вызвали врача, накладывали шпиги и т. д., прошло два часа. И что же вы думаете? За это время первый ребенокъ уже прошелъ весь курсъ военной науки и былъ произведенъ въ генералы. Второй ребенокъ при рожденіи получилъ чинъ лейтенанта. Такимъ образомъ, одинъ братъ оказался подчиненнымъ другому. И второму уже никогда не нагнать перваго. А все изъ-за пустячнаго опозданія на два часа!
Нѣмецъ. — Да! Недаромъ, говорятъ, наши враги-русскіе сочинили пословицу: «тише ѣдешь — дальше будешь... отъ генеральскаго чина».

Ясновидящій.

ИЗЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Русская батарея въ Портъ-Артурѣ.

ДРАГОМИРОВЪ И СУВОРОВЪ.

М. И. Драгомировъ представляетъ Суворова болѣе чѣмъ великимъ полководцемъ: великимъ мыслителемъ, челоѡколобцемъ, народнымъ вождемъ, проникнутымъ насквозь тѣмъ убѣжденіемъ, что нравственная сила есть величайшая сила войскъ, умѣвшихъ развивать эту силу военнымъ воспитаніемъ, возбуждать ее, словомъ, примѣромъ, непрестанною тратой своей дѣятельной энергіи, поддерживать ее въ минуту грозы, на полѣ битвы, и держать въ напряженіи непрерывнымъ общеніемъ и непоколебимымъ единеніемъ между дѣйствіемъ солдата и полководца.

Весь Суворовъ въ этомъ освященномъ имъ преобладаніи нравственной силы надъ другими военными достоинствами, и въ этомъ истинно русскій характеръ его генія.

М. И. Драгомировъ разсматриваетъ воспитаніе и юность Суворова, вліяніе, оказанное на него писателями древности и изученіемъ жизни Цезаря, Аннибала и полководцевъ новѣйшихъ временъ, его личную военную выучку и состояніе русскаго войска въ его время, и переходитъ къ разбору знаменитой его «Науки побѣждать» и приказамъ.

«Банальный секретъ» Суворова состоитъ въ признаніи челоѡка въ солдатѣ и въ завѣтъ обращаться съ

нимъ, какъ съ челоѡкомъ во всѣхъ случаяхъ.

Онъ былъ антиподомъ той системы которая водворилась послѣ него и кончилась Крымской кампаніей.

Въ то время сложилась поговорка, показывающая, чего стоила эта чисто виѣшняя военная выучка: «Война портитъ солдатъ!».

А между тѣмъ, въ то же время, шло покореніе Кавказа съ его невѣроятными подвигами, показывающее, что для побѣды нужно нѣчто иное чѣмъ то, что практиковалось тогда въ Европейской Россіи.

Но все это не образумливало никого.

Даже его собственное поколѣніе ничего не заимствовало отъ Суворова.

Между тѣмъ побѣды, которыя не измѣнили ему ни разу въ теченіи всей его жизни, могли бы навести на мысль что у него пожалуй есть что позаимствовать.

Что касается до людей слѣдующаго поколѣнія, то о нихъ лучше не говорить совсѣмъ.

Они, несомнѣнно, слѣдовали общему теченію, шли по стопамъ короля прусскаго, забывая о томъ, что король прусскій не разъ былъ битъ, и что никто никогда не билъ Суворова, какъ самъ онъ говорилъ въ од-

ну изъ горькихъ минутъ своей жизни.

Касается вскользь ген. Драгомировъ и пресловутыхъ чудачествъ Суворова.

«Онъ слылъ пьяницей и безумцемъ».

Люди этого закала, въ минуты священнаго восторга, могутъ въ самомъ дѣлѣ показаться пьяными, полубезумными въ глазахъ тѣхъ, чья золотая посредственность, вялый и холодный темпераментъ не испытываютъ ни потребности въ необычныхъ нервныхъ напряженіяхъ, не обладаютъ и способностью выносить ихъ.

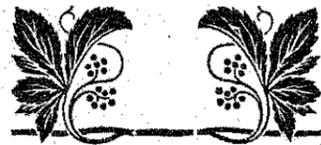
Кто испыталъ на себѣ могучія и грозныя впечатлѣнія войны, умѣетъ приобрести навыкъ испытывать большое нервное возбужденіе, не лишаясь въ то же время и спокойствія разума».

Чудачества и поговорки были у Суворова средствомъ приблизить къ себѣ низшаго и сказать рѣзкую правду равному и высшему.

Благородство его характера и непреклонность убѣжденій засвидѣтельствованы всей его жизнью.

Случай съ гробницей Наполеона въ Домѣ Инвалидовъ.

Странный случай въ 1895 году вызвалъ толки въ Парижѣ: Сержантъ Альфонсъ Дюре, ветеранъ Балаклавы, стоявшій на караулѣ въ домѣ инвалидовъ, послѣ полуночи обратилъ вниманіе на шумъ; выходявшій изъ крѣпты, гдѣ стоитъ гробъ Наполеона I. Онъ тотчасъ сообщилъ объ этомъ губернатору, генералу Симарту, и генералъ въ сопровожденіи дежурныхъ офицеровъ, отправился въ домъ, который изъ опасенія какого-либо анархическаго покушенія, былъ тщательно осматрѣнъ. При этомъ было усмотрѣно слѣдующее. Черезъ окно, въ гранитной глыбѣ вѣсомъ въ 1,350 центнеровъ, въ углубленіи котораго покоился Наполеонъ, увидѣли, что трупъ лежитъ не на спинѣ, какъ было всегда, а лицомъ внизъ.

Панорама войны.

1.

Нѣсколько солдатъ пѣхотнаго полка, квартирующаго въ Базелѣ, сидятъ за столомъ въ кафѣ. Противъ одного изъ нихъ сидитъ господинъ въ штатскомъ, типичный пруссакъ. Мало-по-малу завязывается общій разговоръ на военныя темы.

— Стрѣляли бы вы въ германцевъ, если бы они пришли въ Швейцарію? — спросилъ пруссакъ сидѣвшаго противъ него солдата.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, — убѣжденно воскликнулъ солдатъ.

— Кельнеръ, бокаль пива для этого браваго солдата...

— А ваши товарищи стрѣляли бы въ германцевъ?

— Тоже не стрѣляли бы.

— Кельнеръ, на всѣхъ по бокалу пива!

— И всѣ швейцарскіе солдаты поступили бы такъ же?

— Я, естественно, не могу вамъ поручиться за всѣхъ солдатъ.

— Объясните мнѣ: изъ какихъ личныхъ побужденій вы не стрѣляли бы?

— По той простой причинѣ, что служу въ полковомъ оркестрѣ.

2.

Сдались въ плѣнъ двѣ роты нѣмцевъ.

Въ штабѣ боялись отправить столь большое количество плѣнныхъ съ небольшимъ конвоемъ, такъ какъ до штаба арміи этапнаго коменданта было еще верстъ 40—45. Въ качествѣ конвойныхъ вызвалось 12 казаковъ, завѣрившихъ начальство, что ни одному изъ плѣнныхъ не удастся по дорогѣ сбѣжать.

Казакъ сдержали свое слово.

Всѣхъ, ѣхавшихъ навстрѣчу отряду, удивляло, что плѣнные; идущіе подъ конвоемъ 12 казаковъ, идутъ, какъ-то странно держась при этомъ обѣими руками за платье.

Оказалось, что казаки, дабы парализовать движеніе плѣнныхъ, сръзали у нихъ съ платья всѣ пуговицы и крючки, отобравъ предварительно ремешки.

3.

Германская печать не перестаетъ превозносить до небесъ достоинства генерала Гинденбурга. Недавно въ «Kreuz-Zeit.», появился новый па-

негирикъ этому «національному герою» Германіи. По мнѣнію газеты, Гинденбургъ совмѣстилъ въ себѣ упорство и спокойствіе Фридриха Великаго, стратегическій гений Наполеона и простоту и рѣшительность стараго Мольтке. Онъ сдѣланъ, — говоритъ газета, — изъ того же дерева — дуба, что и Лютеръ и Бисмаркъ.

4.

Это похоже на анекдотъ, но лицо, передающее нижеслѣдующее, увѣряло, что это не вымыселъ, а правда.

Дѣло происходило около Нѣмца, въ тотъ періодъ, когда нѣмцы наступали на Августовъ, Сейны, Друскевики.

На берегу, близъ моста, на шоссе былъ поставленъ караулъ; стоятъ часовые...

Съ западнаго берега солдатъ, въ затасканной шинели и помятой солдатской фуражкѣ, гонитъ гурть порціоннаго скота.

Часовые загородили дорогу; скотъ разбѣгается въ разныя стороны.

— Ну, что жъ вы тамъ растопырились, стали! Пропусти, али ослѣпли, не видите, что свой!

Далѣе слѣдуетъ крѣпкая приправа...

— А ты, братъ, не очень ори! Раскричался!.. Мы — инженеръ-технологи...

— Да я самъ — присяжный повѣренный... Изъ Москвы; имѣлъ практику до 8—9 тысячъ... По мобилизаціи взяли. Г-да инженеры! Пропустите!..

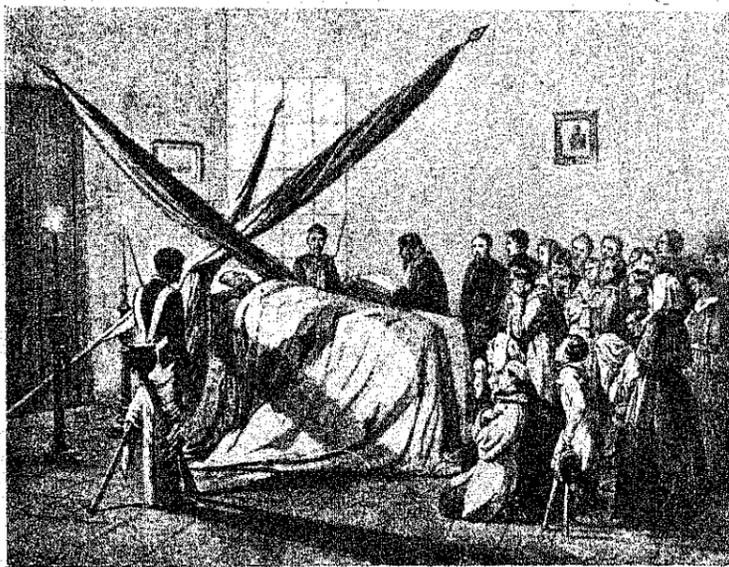
«Инженеры» уступили дорогу, — и «присяжный повѣренный» побѣжалъ за коровами...

ПАТРИОТИЗМЪ ДАМСКИХЪ МОДЪ.

«Frankfurter Zeitung» осуждаетъ непатріотичность тѣхъ нѣмокъ, которыя, слѣдуя модѣ... начинаютъ носить широкія юбки! Газета пишетъ:

«Возможно, что широкія юбки осмысленны и красивѣе юбокъ, носившихся въ послѣдніе годы, ибо эти послѣднія дѣлали почти невозможной ходьбу... Но зачѣмъ мѣнять моду именно тогда, когда необходимо экономить какъ на шерсти, такъ и на бумагѣ? Пришли-ли въ расчетъ это соображеніе создатели моды на широкія юбки? Простой подсчетъ скажетъ, что на широкую юбку нужно вдвое больше матеріала, нежели на узкую; и, если помножить эту прибавку въ матеріалѣ на число дамъ, которыя поспѣшатъ поспѣдовать модѣ — полу-

ИЗЪ «СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ».

Адмиралъ П. С. Нахимовъ въ своей квартирѣ въ Севастополѣ, въ гробу, покрытомъ прострѣленнымъ ядрами флагомъ съ корабля «Императрица Марія».

числится громадная цифра. Мы требуемъ поэтому, чтобы создатели нѣмецкихъ модъ въ эти дни руководились исключительно соображеніями патріотизма и

своей первой цѣлью считали возможно большую экономію сырыхъ матеріаловъ».

РУССКІЙ ПОСОЛЪ ВЪ ТУРЦІИ.

Въ «Историч. Вѣст.» помѣщены воспоминанія о дѣятельности русскаго посла въ Турціи Е. П. Новикова (1880 — 1882).

Вотъ былъ человекъ, который умѣлъ поддержать достоинство великой Россіи!..

Когда однажды драгоманъ П. В. Максимовъ, нынѣшній нашъ бразильскій посланникъ, обозвалъ во всеуслышаніе турецкаго министра «осломъ и свиньей» и просилъ адъ-

поднять полубольного старика съ постели позднею ночью.

— Разбудить этого мерзавца, взломать ворота! — приказалъ посолъ драгоману. — Я имъ не позволю шутить и издѣваться надо мною. Пусть онъ передастъ вамъ отвѣтъ султана!..

Весь домъ великаго визиря былъ поднятъ на ноги.

Сейдъ-паша, вышедшій изъ теплой постели въ холодную пріемную,

тотъ немедленно отправился въ магометовъ рай, а своего перваго секретаря Суфрама-пашу попотчевалъ чашкой кофе со смертельнымъ ядомъ за предъявленіе въ англійскомъ посольствѣ султанскаго указа объ избіеніи армянъ.

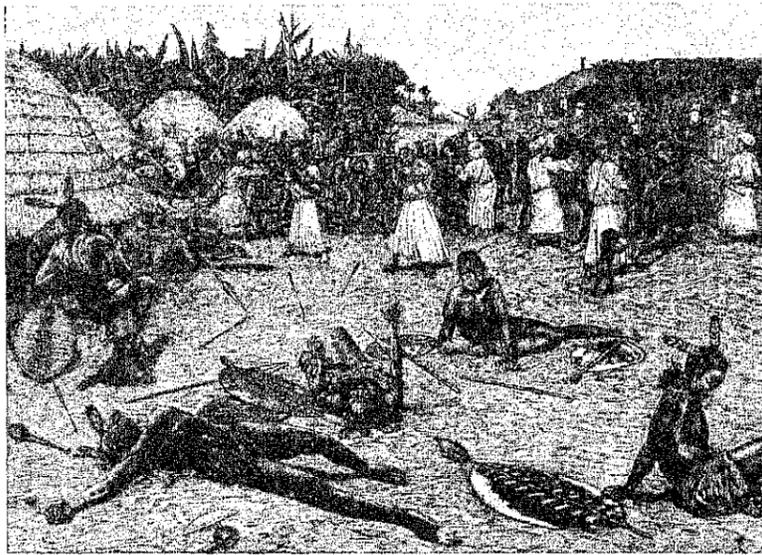
Но передъ Новиковымъ султанъ пасовалъ.

Лишь, когда Новиковъ уходилъ въ отставку, Абдуль-Гамидъ отомстилъ ему тѣмъ, что, пригласивъ на торжественный прощальный обѣдъ, неожиданно объявилъ, что обѣдъ не состоится, за болѣзью его.

Зато въ слѣдующій разъ Новиковъ объявилъ явившимся за нимъ чинамъ двора, что онъ не можетъ принять приглашеніе султана, по случаю расстройства желудка, и отправился гулять въ общественный садъ.

Такимъ образомъ, русскій посолъ имѣлъ мужество, выражаясь фигурально, утереть султану носъ своимъ желудкомъ.

МЕЖДОУСОБНЫЯ ВОЙНЫ ВЪ АФРИКѢ.

Арабы захватывающіе въ рабство негровъ Центральной Африки.

ютанта передать ему объ этомъ, возбѣшенный его отказомъ за недосугомъ бесѣдовать по дѣлу объ арестѣ двухъ русскихъ подданныхъ, Новиковъ вернулъ великому визирю Саиду-пашѣ перепечатанную присланную ему по этому поводу ноту и пригрозилъ дипломатическимъ разрывомъ:

— Я шутить не люблю! — рѣзко объявилъ посолъ великому визирю, который струсилъ и поспѣшилъ взять ноту обратно.

Не получивъ отъ великаго визиря обѣщаннаго отвѣта по вопросу о контрибуціи, Новиковъ заставилъ

стать извиняться, что не могъ исполнить обѣщаніе, ибо султанъ былъ-де усталымъ, но онъ обѣщаль раннимъ утромъ побывать у своего властелина и лично доставить отвѣтъ послу.

Оказывается, что существуютъ не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы, съ которыми безъ зуботычины никакъ нельзя вести разговоръ.

Абдуль-Гамидъ обращался крайне свирѣпо со своими министрами.

Одного изъ нихъ, Ассима-пашу, онъ угостилъ чашкой кофе съ толченымъ брилліантомъ, отъ котораго

Нѣмецкій генераль и музыка.

Генераль, командующій II-мъ германскимъ армейскимъ корпусомъ, расквартированныхъ въ Гамбургѣ, Альто-нѣ и окрестностяхъ, близко къ сердцу принимаетъ — какъ онъ выражается — духовные и интеллектуальные интересы его подчиненныхъ.

Имъ издано нѣсколько приказовъ, запрещающихъ въ подвластномъ ему округѣ продажу спиртныхъ напитковъ и сценическія представленія на театрахъ и въ мюзикъ-холляхъ, рассчитанныя на «раздраженіе легкомысленныхъ инстинктовъ» (языкъ приказа!) Власть генерала распространяется также на гражданское населеніе и онъ широко пользуется ею для борьбы съ кабакомъ и другими ночными уголками. Онъ убѣжденъ, что «легкомысліе», распространившееся между гражданскимъ населеніемъ, быстро заражаетъ и соприкасающіеся съ нимъ военные круги; и что солдаты, ищущіе удовольствій, уже не годятся для серьезнаго служенія родинѣ.

Но эти указы затмѣваютъ его послѣднее распоряженіе, имѣющее цѣлью контроль музыки, играющей въ паркахъ, скверахъ, кафэ, ресторанахъ, театрахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ.

По мнѣнію генерала, музыка, которая здѣсь играетъ, носитъ чрезвычайно легкомысленный характеръ, и что всѣ эти вальсы, оперетки, шансонетки и проч. «оскорбляютъ серьезность и величіе настоящаго момента». Генераль приказалъ поэтому прекратить такую, «недостойную нѣмцевъ въ эти дни», музыку. Каждый, нарушившій этотъ приказъ, подлежитъ полицейской карѣ.

Но такая заботливость генерала вывела изъ себя даже кроткую и патристическую нѣмецкую прессу. Гамбургская газета «Fremdenblatt» указываетъ, что приказъ генерала возлагаетъ на полицію обязанности и права музыкальных критиковъ и судей. Граждане, — продолжаетъ газета, — въ правѣ спросить себя: достаточно-ли освѣдомлена нѣмецкая полиція въ тонкостяхъ музыкальнаго искусства и въ разныхъ степеняхъ влияния на человѣческую душу разныхъ видовъ музыкальных произведений?

„САЛАТЪ ИЗМѢННИКОВЪ“.

Берлинскій корреспондентъ «Kölnische Zeitung» бѣгло очерчиваетъ послѣднія новости жизни въ столицѣ Пруссіи.

Какъ извѣстно, система табльдота въ берлинскихъ ресторанахъ отиѣнена, — чтобы не пропадали даромъ заготовленные блюда. Но и пиры à la carte сужены до чрезвычайности. Кельнскій корреспондентъ съ грустью констатируетъ, что въ Берлинѣ уже не подаютъ ошей къ мясу, а подаютъ... мясо къ овощамъ. Послѣдніе-де нагло доминируютъ. Такъ, бесполезно спрашивать свиную котлету съ шукрутомъ — вамъ, такъ или иначе, подадутъ, шукрутъ со свиной котлетой. Да и то не съ котлетой, и даже не котлеткой, а такъ — съ чѣмъ-т свинымъ.

— Любимымъ блюдомъ берлинцевъ, — продолжаетъ корреспондентъ, — былъ «итальянскій солдатъ» — по его мнѣнію, безцвѣтный и клейкій винегретъ, который лучше не анализировать. Суть, впрочемъ, не въ характерѣ блюда, а въ его названіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Италия прикнула къ тройственному со-гласію, берлинцы требуютъ свой винегретъ не иначе, какъ:

— Салатъ измѣнниковъ!

МИФЪ О НАПОЛЕОНѢ I.

Одну изъ интереснѣйшихъ легендъ о Наполеонѣ мы находимъ въ книгѣ Ж. Переса. Авторъ утверждаетъ, будто Наполеонъ I никогда и не существовалъ: «Наполеонъ Бонапартъ, является лишь аллегорической фигурой: онъ — олицетворенное Солнце. Говорятъ, будто этого необыкновеннаго человѣка звали Наполеономъ. Но это историческая ошибка, ибо онъ и Аполлонъ — одно и то же. У него три сестры — три граціи въ лицахъ. Четыре брата — это четыре времени года».

БУХНЯ ПОЛКОВОДЦА ДО БОЯ И ПОСЛѢ.

Знаменитый восточный воинъ Амру былъ большой лакомка.

Въ походахъ его всегда сопровождали повара и кухня, для погрузки которой требовалось триста верблюдовъ.

Однажды послѣ несчастной битвы онъ попалъ въ плѣнъ.

Около него стоялъ и его неизмѣнный походный спутникъ, поваръ.

Амру обратился къ нему съ просьбой дать ему что-нибудь закусить.

А у повара остался только соусъ мяса да котель.

Онъ положилъ мясо въ котель, поставилъ его на огонь и отошелъ, чтобы поискать и принести еще чего-нибудь для своего повелителя.

Какъ только поваръ отошелъ отъ котла, къ нему подбѣжала собака, всунула голову въ котель и схватила мясо.

Но въ эту минуту ручка котла упала и угодила какъ разъ на шею собакѣ; та сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ попытокъ сбросить съ шеи это бремя, но это ей не удалось, а между тѣмъ, на нее уже кричали люди, и перепуганный на смерть песъ пустился улепетывать со всѣхъ ногъ, унося у себя на шеѣ котель съ съѣдомъ Амру.

Видя это, плѣнный воевода расхохотался, какъ сумасшедшій.

Одинъ изъ приставленныхъ къ нему стражей спросилъ его о причинѣ этой мало соответствующей минутѣ веселости.

— Какъ-же не хохотать — отвѣтилъ ему Амру, — сегодня утромъ мою кухню едва везли триста верблюдовъ, а послѣ полудня первая встрѣчная собака унесла ее на себѣ всю цѣликомъ.

НАПОЛЕОНЪ И СОЛДАТЪ.

О томъ, какъ Наполеонъ обращался съ солдатами, можетъ дать понятие слѣдующій анекдотъ.

Послѣ возвращеніи изъ Испаніи великій полководецъ сталъ жаловать простыхъ солдатъ титуломъ «Chevalier de l'Empire», назначая ихъ кавалерами Почетнаго Легіона.

И каждый солдатъ, считавшій себя заслужившимъ такое отличие, могъ самолично предъявлять свою претензію императору. Такъ одинъ изъ старыхъ гренадеровъ, сдѣлавшій компаніи итальянскую и египетскую, явился самъ и флегматически потребовалъ для себя крестъ Почетнаго Легіона.

— Но что же ты сдѣлалъ, чтобы заслужить награду?—спросилъ его Наполеонъ.

— Я, государь, тотъ самый, который въ Яфской степи въ страшный зной принесъ вамъ арбузъ.

— Еще разъ благодарю тебя за это, но принеженіе этого плода не заслуживаетъ креста Почетнаго Легіона.

Тогда хладнокровный гренадеръ пришелъ въ возбужденное состояніе и воскликнулъ:

— «А развѣ вы ни во что не считаете семь ранъ, полученныхъ на Аркальскомъ мосту, въ Лоди, въ Кастильонѣ, при Пирамидахъ, въ Сень-Жанъ д'Аркъ, въ Аустерлицѣ, Фридландѣ. Однѣхъ компаній въ Итали, Австріи, Пруссіи, Польшѣ...

Императоръ прервалъ его:

— «Та, та, какъ ты заносишься, когда доходишь до важнѣйшихъ пунктовъ! Съ этого бы тебѣ и слѣдовало начать. Это поважнѣе твоего арбуза... Назначаю тебя кавалеромъ Имперіи съ пенсіей въ 1.200 франковъ. Ты доволенъ?»

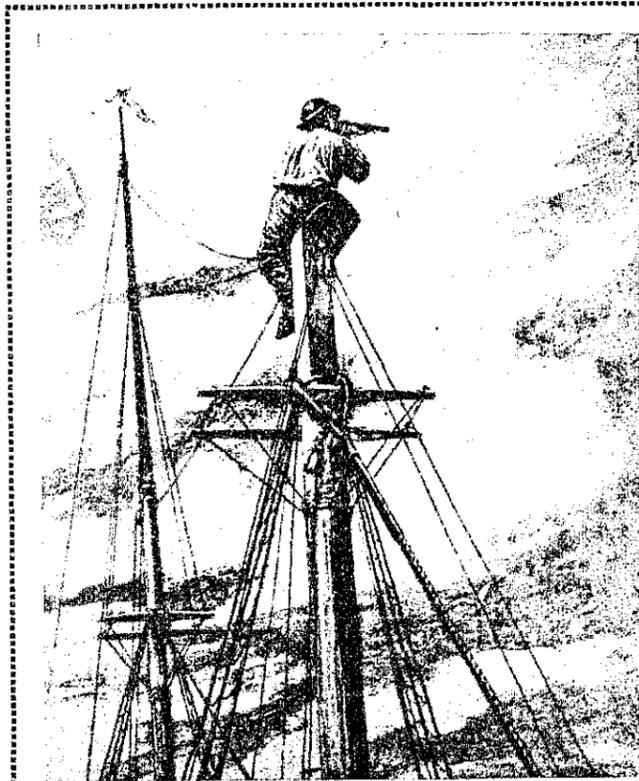
— Но, государь, я предпочелъ бы крестъ.

— У тебя есть теперь и крестъ, такъ какъ я дѣлаю тебя «кавалеромъ».

— Мнѣ бы все-таки скорѣе хотѣлось имѣть крестъ.

И бравый гренадеръ не уходилъ; стоило немалого труда, чтобы урезонить его, что титулъ «кавалеръ Имперіи» влечетъ за собой титулъ и «кавалера Почетнаго Легіона».

Онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока императоръ не повѣсилъ ему ордена на шею.

Испано-американская война. Выслѣживание испанскихъ крейсеровъ съ американскаго берега.

скомъ переводѣ) заключительныя строки этого стихотворнаго памфлета.

«Мы разбили уже Францію и навсегда утвердили свое владычество въ Эльзасъ-Лотарингіи. Намъ предстоитъ расширить свои границы на сѣверѣ. Положивъ себѣ въ карманъ Бельгію, мы наложимъ свою желѣзную длань на Швецію, Голландію и Данію. Всѣ маленькіе народы должны смириться передъ германскимъ скипетромъ. Мы выйдемъ изъ войны побѣдителями. Австрія, Испанія, Англія, Россія и Турція — вотъ наша вѣрная военная добыча.

Мы займемъ Азію, провозгласимъ аннексію Африки и обратимъ Америку въ свою колонію. ;

На землѣ не останется уже ничего, достойнаго вниманія. Земной шаръ покажется намъ малымъ и тѣснымъ. Но не надо впадать въ отчаяніе. Съ нашимъ Мольке и Гинденбургомъ мы отправимся на луну. И только тогда произойдутъ великія событія.

Мы укрѣпимъ оба полюса и съ нихъ начнемъ бомбардировать солнцѣ, а затѣмъ снарядимъ военную экспедицію на небо. Передъ нашимъ кайзеромъ и его благовѣрной Августой откроются небесныя врата, и кайзеръ отправится съ визитомъ къ своему старому нѣмецкому богу.

Мы провозглашаемъ аннексію неба, и, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, Вильгельмъ будетъ богомъ. Мы займемъ также и адъ, гдѣ уже, впрочемъ, находится нашъ представитель—Бисмаркъ».

«АННЕКСІЯ» НЕБА.

«Temps» приводитъ любопытное стихотвореніе, соиншее своему автору, германскому унтеръ-офицеру, по происхожденію датчанину, продолжительнаго тюремнаго заключенія. Вынужденный воевать въ рядахъ германской арміи, свободолюбивый уроженецъ Шлезвига писалъ свои гнѣвные, обличительныя строфы подъ аккомпаниментъ пушечной пальбы. Приводимъ (въ прозаиче-

ХЛѢБЪ-ПИЛЮЛИ.

Кельнскій городской совѣтъ рѣшилъ въ будущемъ печь только ржаной хлѣбъ.

Что же касается пшеничнаго хлѣба, то послѣдній будетъ изготовляться исключительно для больныхъ.

При этомъ кельнскій городской совѣтъ постановилъ, что, въ случаѣ, если будутъ констатированы злоупотребленія, то продажа пшенич-

Переходъ Хлодвига Великаго черезъ Майнъ. Картина А. Цика.

Въ 496 году храбрый король франковъ Хлодвигъ, одержавъ побѣду надъ аллеманами, преслѣдуя, во главѣ своихъ побѣдоносныхъ войскъ, побѣжденныхъ, достигъ до береговъ Майна. Тутъ, по преданію, когда войска искали мѣсто, гдѣ бы переправиться черезъ рѣку, случайно появился въ водѣ олень и указалъ побѣдителямъ дорогу, гдѣ они безопасно могли переправиться. Войска Хлодвига послѣдовали за своимъ четвероногимъ провожатымъ и благополучно перебрались на другой берегъ. Мѣсто, гдѣ вышли франки, получило названіе «Франкенъ-фуртъ» (т. е. проходъ франковъ), и отсюда, по преданію, и пошло названіе основаннаго впоследствии на этомъ мѣстѣ города Франкфурта-на-Майнѣ.

Побѣда, одержанная надъ аллеманами, была причиною

принятія Хлодвигомъ христіанской вѣры. Хлодвигъ, въ то время еще закоренѣлый язычникъ, женившись на Клотильдѣ, племянницѣ бургундскаго короля Гундобальда, которая старалась обратить его въ христіанство, далъ клятву, что если «христіанскій Богъ посодѣйствуетъ ему одержать побѣду надъ аллеманами, то онъ сдѣлается христіаниномъ». Дѣйствительно, послѣ перехода Майна, Хлодвигъ крестился въ Реймсѣ и былъ помазанъ, какъ говоритъ католическое преданіе, «изъ стклянки, упавшей съ неба». Примѣру его послѣдовали 3000 франковъ. Объявленный послѣ смерти святымъ, Хлодвигъ погребенъ въ церкви Апостоловъ (впоследствии Св. Женевьевы) въ Парижѣ, куда онъ перенесъ свою столицу.

наго хлѣба будетъ производиться только въ аптекахъ и выдаваться по рецептамъ врачей.

ФРАНЦУЗСКІЕ ЛЕТЧИКИ.

Во время военныхъ дѣйствій французскіе авіаторы каждый вечеръ, закончивъ свои полеты, подсчитывали число отверстій, сдѣланныхъ пулями на крыльяхъ ихъ аппа-

ратовъ. Каждое изъ нихъ они обводили краснымъ кругомъ, чтобы не считать его на-завтра. Одинъ изъ нихъ насчиталъ тридцать семь отверстій, какъ результатъ его дневной работы. Въ другомъ случаѣ Пегу прибылъ въ Парижъ, чтобы перемѣнить аэропланъ, потому что его собственный имѣлъ девяносто семь отверстій, сдѣланныхъ пулями и дватригранатами!

Спортивные особенности французскаго авіатора хорошо иллюстрируются слѣдующимъ инцидентомъ,

имѣвшимъ мѣсто во время занятія нѣмцами Брюсселя. Надъ городомъ показался французскій бипланъ и былъ быстро обстрѣлянъ нѣмцами. Но, будучи невредимымъ, авіаторъ три раза облетѣлъ вокругъ города, разбросавъ цѣлый дождь листовъ, на которыхъ было написано: «Мужайтесь! Освобожденіе близко!»

Выполнивъ свое намѣреніе, смѣлый французъ хладнокровно показалъ полетъ внизъ головой, съ перевернутымъ аэропланомъ, и исчезъ!

КАЙЗЕРЪ: «Благодарю... не ожидай!!!».

▽▽▽

Требуйте у всех газетчиков и на станциях жел. дор.

„20-й ВЪКЪ“ РАЗСАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ и РИСУНКИ

ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

Корреспонденции съ театра войны. Цѣна 6 коп.